

УДК 821.111

КОНЦЕПТ ЛЮБВИ В СОНЕТАХ ДЖОНА КИТСА И ИХ ПЕРЕВОДАХ

Е.Г. Линючкина

***Аннотация.** Статья рассматривает концепт любви в сонетной лирике Джона Китса и ее переводах на русский язык. Анализируются наиболее репрезентативные произведения поэта, написанные в жанре сонета, с целью вычленения концепта любви и его функционирования на языке оригинала. Сравнение русских вариантов произведений автора, выполненных различными переводчиками, с оригинальными текстами производится для определения возможности адекватного восприятия концепта любви Джона Китса русскоязычными читателями. В статье показаны различия данного концепта в оригинале и в переводах, которые заключаются в выпадении образа вечности как наиважнейшего условия истинной любви. Также показана невозможность точного восприятия авторского концепта при знакомстве только с одним переводом каждого сонета автора.*

***Ключевые слова:** перевод, поэзия, концепт, Джон Китс, сонет, любовь*

Для понимания и признания зарубежного автора в другой стране необходимо нечто большее, чем просто удачный перевод одного произведения. Необходимо передать всю полноту и яркость творчества автора через переводы его трудов. Возможно ли это? Могут ли русские читатели воспринять и полюбить стихотворения и поэмы Джона Китса именно так, как его любят и, главное, воспринимают, англичане?

Ответ на этот вопрос нужно искать на стыке культурологии, социологии и филологии. Творчество поэта – это, в первую очередь, совокупность идей и образов, которые он пытается донести до своих читателей, связанные между собой концепты авторского мира, переходящие из сознания автора в сознание читателей. А значит, именно адекватный перенос концептов автора через перевод в другой язык позволяет читателям полноценно воспринять исходный авторский текст и составить персональное впечатление о личности и творчестве автора, сходное с мнением читателей, знакомых с оригинальными произведениями.

Под концептом, вслед за Ю. С. Степановым, мы будем понимать, «как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [5, с. 40]. К тому же, существуя между лексическим и экстралингвистическим уровнями действительности, «концепты по-разному вербализуются в разных языках в зависимости от собственно лингвистических, прагматических и культурологических факторов, а, следовательно, фиксируются в разных значениях» [4, с. 6].

В своей работе мы рассматриваем концепт любви как один из основных в творчестве Джона Китса на примере сонетов “Bright star, would I were steadfast as thou art”, “O Solitude”, “To ***”, “To Fanny”, “Why Did I Laugh Tonight? No Voice Will Tell” и их переводов на русский язык.

Китс в своих сонетах говорит о любви, как о бесконечном по времени и силе чувстве, которое порождает не только погруженность влюбленных друг в друга, но изменяет их самих, наделяет новым видением окружающей действительности. Такая любовь воспета в сонете “Bright star, would I were steadfast as thou art” («Яркая звезда») – одном из наиболее чувственных и прекрасных его творений. Любовь для Китса самоценна, и это делает ее синонимом красоты.

Идеалом для поэта становится уединение и полное поглощение друг другом, которое влюбленные могут испытывать. Однако, Китс требует от настоящей любви не только искрометных чувств; любовь и красота едины в его творчестве, поэтому поэт говорит о живописных уголках природы, где два любящих сердца могут наслаждаться своими чувствами, не испытывая пагубного влияния внешнего мира. Например, в сонете “O Solitude!” («К Одиночеству») Китс говорит о том, как приятно «двум нежным

душам» – “two kindred spirits” парить не «среди мрачных строений» – “among the jumbled heap of murky buildings”, но на лоне природы, среди цветов и трав.

Образ любимой в сонетах Китса редко предстает реальной женщиной. Для поэтического творчества Китса характерна описательность, поэтому он рисует ухо возлюбленной лирического героя как «раковину из слоновой кости» – “ivory shell”, восхищается ее «наливающейся грудью» – “ripening breast”, «божественными глазами» – “eyes divine”, руками и неземным голосом. Для Китса любовь и красота объединены еще и тем, что предмет обожания прекрасен и чист, он восхищается возлюбленной, сравнивая ее, то с прекрасным цветком – розой, то с самой Любовью.

Внутренняя красота любимой не менее важна для Китса, чем ее внешняя прелесть. В сонете “To Fanny” («К Фанни») лирический герой Китса в своих мольбах к любимой просит отдать ему всю себя – губы, глаза, изгиб стана, грудь. Однако он жаждет еще и чистой любви, милости, и всей ее души.

Причем на первое место он ставит все же внутреннюю красоту: умение прощать, честность и чистоту. И лишь во второй части сонета он восхищается «формой», в которую эти качества вмещены.

Здесь также хотелось бы отметить, что для поэта красота и истина едины, поэтому душа прекрасной девушки не носит маски, бесхитростна и искренняя в чувствах:

*One-thoughted, never-wandering, guileless love,
Unmasked, and being seen—without a blot!* [6, с.420].

Китс возводит любовь и объект любви в ранг чего-то волшебного и даже божественного. Например, в сонете «Why did I Laugh Tonight? No Voice will Tell» влюбленное сердце поэта оказывается сильнее Бога и дьявола, Ада и Рая:

*Why did I laugh tonight? No voice will tell:
No God, no Demon of severe response,
Deigns to reply from Heaven or from Hell.
Then to my human heart I turn at once.
Heart! Thou and I are here, sad and alone;
I say, why did I laugh? O mortal pain!* [6, с. 330]

И сам лирический герой под влиянием сильного чувства может колдовать, любовь наделяет его такой огромной силой:

*And when the moon her pallid face discloses,
I'll gather some by spells, and incantation* [6, с. 38].

В сонете «Bright Star, Would I Were Steadfast as Thou Art!» Китс говорит о божественной задаче очищения, которую несут воды.

*The moving waters at their priestlike task
Of pure ablution round earth's human shore* [6, с. 461].

Влюбленные глаза видят волшебство везде вокруг себя, любовь все делает пленительным и необычно прекрасным. А в сонете «To Fanny» глаза возлюбленной названы божественными. Китс не разделяет понятия прекрасного, волшебного и божественного, делает их синонимичными. Таким образом, можно сказать, что для поэта любовь и любимая являются обожествленными созданиями, умеющими созидать, дарить жизнь и смерть подобно Богу.

Однако здесь можно заметить определенное противоречие. С одной стороны, любовь – это наивысшее счастье, волшебная созидательная сила, но с другой, с точки зрения Китса, любовь является ступенью на пути к смерти. Именно поэтому так часто в любовной лирике поэта возникают образы смерти.

Например, в сонете «To Fanny» Китс говорит:

*Yourself -your soul -in pity give me all,
Withhold no atom's atom or I die...* [6, с. 420].

Только отдавшись полностью, возлюбленная сделает поэта счастливым, а если же она утаит хотя бы «атом из атома», то герой умрет. В этом желании обладать каждой

частичкой любящего сердца и неперменной кончине в случае отказа, проявляется романтический радикализм поэта.

Сходные мысли можно проследить и в «последнем сонете» Китса. Он хочет обрести покой и счастье вместе с возлюбленной, но, если этому не суждено сбыться и вечно длиться, он умрет от горя.

And so live ever—or else swoon to death [6, с. 461].

Полны философского размышления и заключительные строки сонета «Why did I Laugh Tonight? No Voice Will Tell». Несмотря на веру в огромную силу любви, Китс отмечает, что «смерть – наивысшая награда жизни»:

*Yet would I on this very midnight cease,
And the world's gaudy ensigns see in shreds;
Verse, Fame, and Beauty are intense indeed,
But Death intenser -Death is Life's high meed.* [6, с. 330].

Тема вечности также неразрывно связана с темой любви и смерти. Именно вечная любовь признается Китсом настоящей, только она может быть названа истинным счастьем, любое потрясение найденной любви приведет к смерти лирического героя. По этой причине в любовной лирике поэта часто встречаются такие слова как «всегда» – «forever», «никогда» – «ever», и повторения, указывающие на тщетность текущего момента и бесконечность, как необходимый критерий прекрасного: «still, still», «all, all» и так далее.

Еще одной из характерных черт сонетов Джона Китса о любви является признание собственного несовершенства перед любимой. Например, в сонете «To ***» Китс пишет:

*I am no knight whose foeman dies;
No cuirass glistens on my bosom's swell;
I am no happy shepherd of the dell
Whose lips have trembled with a maiden's eyes.
Yet must I dote upon thee... [6, с. 38].*

Он признает, что не является прекрасным отважным рыцарем, достойным целовать глаза своей девы, но собственное несовершенство не мешает герою любить со всей силой и полнотой, на которую он способен.

Лирическому герою Китс приходится просить и умолять любимую, чтобы она хотя бы из жалости обратила на него внимание:

I cry your mercy -pity -love! -aye, love! [6, с. 420].

Таким образом, разобрав основные особенности раскрытия темы любви в сонетах Китса, мы можем вычленим концепт любви в лирике Китса. Он состоит из визуального и внутреннего образа любимой девушки, наполненного описанием тела и лица и честности, искренности и истинности ее характера и чувств по отношению к лирическому герою. Любовь – это божественное или колдовское чувство, которое характеризуется безумным желанием влюбленных быть вместе вечно, но также ведет к смерти. Любовь, в лирике Китса, едина с понятиями красоты и истины.

Проанализировав русские переводы сонетов Китса “Bright star”, “O Solitude”, “Why did I laugh tonight? No voice will tell...”, “To ***”, “To Fanny”, мы постарались также вычленим концепт любви и сравнить его с оригиналом.

Русские переводы сонета «Bright Star, Would I Were Steadfast as Thou Art!» были сделаны В. Левиком (1941), О. Чухонцевым (1972), И. Дьяконовым (1973) и В. Потаповой (1979). Все они абсолютно не похожи между собой во всем, начиная с названия. Китс не дал названия своему произведению, в английском варианте оно называется по первым строкам сонета. А Сергей Сухарев предлагает свое название сонета – «Светлая звезда». Он же в своем переводе далеко отходит от концепции оригинала. У Китса сонет строится по принятому для этой жанровой формы принципу антитезы – первые два катрена говорят о звезде в прямом смысле, как о небесном светиле, подобному коему не хочет быть

лирический герой сонета, а заключительный катрен и двестишь противопоставляют им звезду любви, к которой и стремится герой.

Сухарев полностью искажает смысл оригинала: у него первые два катрена – просто описание звезды:

*Как неотрывно светлая звезда -
Та, что над миром бодрствует в ночи,
Раскрыв ресницы, трепетно чиста,
Переливая длинные лучи,
Следит прибое неустанный бег
И пристально с высот вперяет взор
На гладь равнин и на вершины гор,
Где свежей ризой лег неслышимый снег... [1, с. 24].*

Пропадает стремление лирического героя быть похожим на звезду: «Bright Star, Would I Were Steadfast as Thou Art!». А если рассматривать сонет в целом, то пропадает и вся антитеза:

*Not in lone splendour hung aloft the night...
No -yet still steadfast, still unchangeable,
Pillowed upon my fair love's ripening breast... [6, с. 461].*

Сухарев подменяет эту идею желанием следовать за звездой – «вот так бы мне...», не противопоставляя две части сонета, а, наоборот, наделяя звезду одновременно и возможностью «следить прибое неустанный бег», и «делить с любимой свой бессонный плен».

Дьяконов и Левик сохраняют антитезу, присущую сонету Китса, причем они повторяют не только идейное противопоставление – быть звездой не в одиночестве небес, но не спать вместе с любимой – но и сохраняют структуру сонета, «нет» в начале девятой строки, написание последней строки через тире. Оба переводчика сохраняют две главные темы сонета – одиночество и смерть без любимой, однако, Левик наиболее полно сохраняет лексику Китса – повторяющееся «вечным» во второй и девятой строках, «неизменным», «жить до конца».

Однако тема смерти смягчается обоими поэтами, в то время как Сухарев наиболее точно передает мысль Китса – без любимой он может «Дыханье слушать без конца, всегда – Иль в бездну смерти кануть без следа». А в переводах Левика и Дьяконова лирический герой может просто «уснуть навек», что хоть и передает авторскую мысль, но смягчает, создаваемый Китсом драматический образ.

В переводе Дьяконова отсутствует мотив физической близости между лирическим героем Китса и его возлюбленной. В оригинале Китс говорит о страстной вечности, которая ждет влюбленных: «pillowed upon my love's ripening breast – положив голову на наливающуюся грудь», «sweet unrest – сладкий непокой», «tender-taken breath – тронутое страстью дыхание». У Дьяконова же возлюбленная будет вечно спать, а герой лишь охранять ее сон: «Очей в волненье сладком не сомкнуть и сон любимой охранять... так вечно жить». У Сухарева эти строки не дают определенного понимания, чем будут возлюбленные заниматься целую вечность: «делить с любимой свой бессонный плен, не знать покоя в тихом забытии». Ближе всего по темпераменту перевод Левика: «ловить любимых губ дыханье», «забыв покой для нег».

Еще одним сонетом истинно любовного содержания можно назвать сонет “To Fanny” («К Фанни»), в котором Китс обращается к своей возлюбленной. Это стихотворение наполнено глубочайшим чувством поэта, полно лирического пафоса. Вся композиция сонета строится на повелительных предложениях и перечислениях достоинств любимой. Сонет написан, по всей вероятности, в середине октября 1819 г. Впервые опубликован в 1848 году.

Русские переводы сонета сделаны С. Сухаревым (1976), Г. Кружковым (1979), В. Потаповой (1979).

Перевод Кружкова наиболее близок оригиналу по ритмике, которая играет в нем первостепенное значение. У Китса очевидны перечисления черт любимой, ее прелестей, повторения – “love!... love!” «любовь, любовь», “-all -all” «вся, вся». Китс не только выделяет красоту любимой, но и настаивает на том, что должен быть с ней вечно, как и в предыдущем сонете, или ему придется умереть.

Кружков сохраняет ритмическую организацию сонета, но из его варианта исчезает идея вечности:

*Помилосердствуй! – сжался! – полюби! -
Любви прошу – не милостыни скудной -
Но милосердной, искренней любви -
Открытой, безраздельной, безрассудной!
О, дай мне всю себя – вобрат, вдохнуть
Твое тепло – благоуханье – нежность
Ресниц, ладоней, плеч – и эту грудь,
В которой свет, блаженство, безмятежность!
Люби меня! – душой – всем существом -
И Хотя б из милосердия! – Иначе
Умру... [2, с. 319].*

В его варианте сонета Китса лирический герой умрет, если женщина его не полюбит, у Китса же все куда сложнее, как уже говорилось выше, он принимает только любовь вечную, а эта идея пропадает у Кружкова.

Очень интересен вариант Потаповой, она единственная из переводчиков, кто сохраняет не только интенсивность китсовского стиха, но и его смелые образы и идеи. Только в варианте Потаповой появляются те детали, которые использовал Китс:

*Пощады, – жалости, – любви! Любви!
Открытой, милосердной, без тиранства,
Без маски и без пятнышка – любви,
Без криводушья и непостоянства.
О, будь моей всецело, – в этом суть!
И пряный вкус любви, и выгиб стана,
Глаза, и восхитительную грудь,
Что так бела, тепла, нежна, желанна, –
И душу мне отдай, и всю себя!
Припрятать атом атома не вздумай,
Не то умру... [3, с. 317].*

Единственным недостатком перевода Потаповой можно считать слишком повелительные интонации. Китс в своем сонете просит, умоляет «I sry your mercy», «let me have thee whole», «in pity give me all», а лирический герой Потаповой требует: «будь», «отдай», «не вздумай». Таким образом, исчезает одна из важных характеристик любовных сонетов Китса – несовершенство лирического героя по сравнению с объектом любви.

Сходная идея выражена и в сонете «То ***»:

*...But ah! I am no knight whose foeman dies;
No cuirass glistens on my bosom's swell;
I am no happy shepherd of the dell
Whose lips have trembled with a maiden's eyes... [6, с. 38].*

Китс говорит, что он не рыцарь, достойный быть рядом с любимой, целовать ее, но он все равно не может не любить.

Сравним переводы Парина (1979) и Сухарева (1989). Оба переводчика справляются с передачей формы оригинала, сохраняя схему рифмовок и строфику сонета. Сохраняются также и основные образы сонета: стон или вздох влюбленного юноши, рыцарь, доспехи, медовая роза. А главное сохраняется идея колдовства, заложенная в сонете Китса:

«I'll gather some by spells, and incantation» – «Мне колдовскую силу даст луна» – «таинственной силой заклинания». Однако в обоих переводах появляются дополнительные образы, не существующие в сонете Китса и не присущие его лирике. Например, Парин использует в своем варианте сонета прямую речь:

*И все ж твержу: "Ты сладостна!", я брежу:
"Ты слаще сицилийских роз медовых
У хмельной росе, поящей допьяна!" [2, с. 73].*

у Китса те же строки даны в косвенной речи.

Интересно сравнить переводы последнего tercета сонета. В дословном переводе он звучит так: «А! Я попробую эту росу, для меня она сладка, И когда луна откроет свое бледное лицо, Я соберу росу заклинаниями и колдовством». Главное в этих строках – роса медовой розы, которая в предыдущем tercете сравнивается по сладости с девушкой. Переводчики же сдвигают акценты – Парин приписывает колдовство луне:

*Я редкостной росой уста разнежу
И под лунной нарву цветов пунцовых –
Мне колдовскую силу даст луна [2, с. 73].*

А Сухарев говорит о цветах роз, которые в оригинале появляются только в первом tercете, из его перевода исчезает сравнение цветов и девушки и появляется гирлянда из цветов:

*В полночный час под бледною луною
Из них гирлянду мне сплести дано
Таинственную силой заклинанья [1, с. 19].*

Таким образом, передав первую часть сонета в глубокой близости к оригиналу, переводчики заменяют концовку, которая и несет основную мысль автора.

Вычленив концепты любви в сонетном творчестве Джона Китса и его переводах можно сделать следующие выводы.

Во-первых, следует отметить, что некоторым переводчикам удается полностью воплотить авторский замысел и передать как формальные признаки сонетов Китса, так и их внутреннее содержание. Одним из примеров наиболее удачных переводов может служить перевод сонета «К Фанни» Потаповой.

Наименее схожими с авторскими по идейному наполнению, являются переводы Сухарева, что может быть объяснено стремлением автора перевести как можно больше из Китса, от чего качество непременно страдает.

Во-вторых, необходимо сказать, что если рассматривать переводы по их временной принадлежности, то просматриваются определенные закономерности. Хотя большинство переводов относятся к 70-м годам 20 века, переводы середины века ближе к авторским сонетам по подбору лексики. Более поздние же переводы менее аккуратны в этом смысле.

Главной проблемой переводчиков Китса стала невозможность передачи всех идей поэта, в следствии того, что, сформировав четкое представление и понимание любви, Китс в каждый сонет вносит максимальное количество идей, которые трудно в полном объеме передать переводчикам.

Важно отметить, что только вся совокупность русских переводов позволяет выделить концепт любви сходный с концептом любви в лирике Китса, из которого все же выпадает образ вечности как наиважнейшего условия истинной любви. Однако читатель при знакомстве с творчеством Китса в основном будет обращаться к одному переводу одного сонета поэта, а переводы одного переводчика формируют концепт отличный от авторского.

Литература

1. Китс Д. Сонеты Джона Китса в переводах Сергея Сухарева / Д.Китс. Спб.: Изд-во Н.Ф.Куприянова, 1998. 351с.
2. Китс Д. Лирика / Д.Китс. М.: Сокровища лирической поэзии, 1979. 158 с.

3. Китс Д. Стихотворения / Д. Китс. Л.: «Наука», 1986. 391 с.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // ИАН СЛЯ. М.: 1983. Т.52, №1. с.3-9.
5. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
6. Keats J. The Complete Poems of John Keats. Ware: Worthworth Editions Limited, 1994. 512 p.

Сведения об авторе

Линючкина Ева Григорьевна, старший преподаватель, Казанский федеральный университет evalinyu@mail.ru

THE CONCEPT OF LOVE IN THE SONNETS BY JOHN KEATS AND THEIR TRANSLATIONS

E. G. Linyuchkina

Abstract. The article considers the concept of love in John Keats' sonnet lyrics and its translations into Russian. The author analyzes the most representative works of the poet written in the genre of sonnet, in order to isolate the concept of love and its functioning in the original language. Comparison of Russian versions of the author's works, made by different translators, with the original texts is made to determine the possibility of adequate perception of the concept of love in the John Keats' works by Russian-speaking readers. The article shows the differences of this concept in the original and in the translations, which consists in the loss of the image of eternity as the most important condition of true love. Impossibility of accurate perception of the author's concept when being acquainted with only one translation of each author's sonnet is also shown.

Keywords: translation, poetry, concept, John Keats, sonnet, love

Data about the author

Linyuchkina E., senior lecturer, Kazan Federal University, e-mail: evalinyu@mail.ru